

УДК 343.241

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ПРИРОДЕ НАКАЗАНИЯ

А. В. ШИДЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются философские основы учения о сущности наказания как явления социального и правового, рассматриваются подходы к природе наказания в различных мировоззренческих парадигмах, обуславливающих необходимость существования в обществе этого явления. Раскрываются основные философские концепты наказания в классическом, социологическом и просветительно-гуманистическом направлениях уголовного права. Обосновывается право наказания с позиций индетерминизма, механистического детерминизма и детерминизма. Отмечается влияние новых методологий и мировоззренческих подходов на развитие современного учения о наказании и пенитенциарном праве. Делается вывод о сущности социальной справедливости, обусловленной системой ценностей, принимаемой тем или иным обществом, образующей ядро в осмыслении любого философского ракурса.

Ключевые слова: наказание; социальная и юридическая природа наказания; философия идеализма и материализма; уголовно-правовое направление; индетерминизм; механистический детерминизм; детерминизм; право наказания.

PHILOSOPHICAL BASES OF TEACHING ABOUT THE NATURE OF PUNISHMENT

A. V. SHIDLOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author investigates the philosophical foundations of the doctrine of the essence of punishment as a social and legal phenomenon, and considers approaches to the nature of punishment in various worldview paradigms that determine the need for this phenomenon to exist in society. The author reveals the main philosophical concepts of punishment in the classical, sociological and educational-humanistic criminal-legal directions. The author justifies the right of punishment from the positions of indeterminism, mechanistic determinism and determinism. The author notes the influence of new methodologies and worldview approaches on the development of the modern doctrine of punishment and penitentiary law. It is concluded that the essence of social justice is determined by the system of values accepted by a particular society, which forms the central core in the understanding of any philosophical perspective.

Keywords: punishment; the social and legal nature of punishment; the philosophy of idealism and materialism; criminal law; indeterminism; mechanistic determinism; determinism; the law of punishment.

Введение

Феномен наказания на протяжении развития всей человеческой цивилизации занимал особую нишу. Вопрос о его природе в центре внимания не только юристов и известных государственных

и общественных деятелей различных исторических эпох, но и ученых – представителей многих сфер знания, философов. Социальная и юридическая природа наказания не одно столетие рассма-

Образец цитирования:

Шидловский АВ. Философские основы учения о природе наказания. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2020;1:87–94.

For citation:

Shidlovsky AV. Philosophical bases of teaching about the nature of punishment. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;1:87–94. Russian.

Автор:

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по учебно-воспитательной работе, доцент кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Andrei V. Shidlovsky, PhD (law), docent; deputy of dean for educational work and associate professor at the department of criminal law, faculty of law.
shidlovsky_a@mail.ru

тривается авторами в различных сюжетных линиях зарубежной и отечественной художественной литературы [1, с. 172–183].

Не претендуя на весь масштаб философского учения о наказании, обозначим несколько важных,

на наш взгляд, мировоззренческих начал, определяющих подходы к самой природе наказания. В любом случае нам придется затронуть два основных философских направления – идеализм и материализм.

Основная часть

Понимание сущности наказания зависит от того или иного уголовно-правового направления (школы уголовного права) и его обусловленности влиянием философии идеализма или материализма.

Классическая школа базируется на концепте справедливого нравственного воздаяния за содеянное, где основанием наказуемости выступает вина лица (степень выражения его «вклада» в преступное поведение). Природа наказания представляется классического уголовно-правового направления раскрывалась в *теории порицания преступления или юридического возмездия*¹ с требованиями его полезности. Возмездие путем применения наказания трактовалось как восстановление нарушенного права или установленного государственством правопорядка.

В XVIII–XIX вв. взгляда на наказание как возмездие придерживались наиболее известные представители идеалистической философии. В частности, немецкий философ И. Кант (1724–1804) утверждал: «Каков же род и размер наказания, являющегося принципом и руководством для общественной справедливости? Никакой иной, как только принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости) – не склоняться ни на одну, ни на другую сторону. Таким образом, зло, которое ты причинил другому из народа без его вины, ты причинил самому себе. Если ты его оскорбляешь, то ты оскорбляешь самого себя, если ты его обкрадываешь, то ты обкрадываешь самого себя, бьешь ты его, ты бьешь себя, убиваешь ты его, ты убиваешь самого себя. Только право возмездия (*jus talionis*), но непременно перед судом (а не в твоём частном суждении) может определенно указать и качество, и количество (размер) наказания...» [2, с. 217]. Аналогичные положения обосновывались другим выдающимся немецким философом Г. В. Ф. Гегелем (1770–1831), последователем И. Канта: «С преступником должно быть поступлено так, как он сам поступил» [2, с. 217].

По существу, немецкая классическая философия, оказавшая сильнейшее влияние на формирование уголовно-правовой школы, ориентировала на возвращение древнейшего принципа талиона (*jus talionis*) – око за око, зуб за зуб, кровь за кровь. Идея наказания-возмездия была известна еще древнейшим государствам и широко пропагандировалась греческими и римскими философами, в частности

Аристотелем, Платоном, Цицероном, Сенекой и др. [3, с. 140–141]. В те времена наказание воспринималось как механизм самозащиты общества от нарушений условий его существования.

Социологическая школа в основе изучения природы наказания анализировала главным образом самого деятеля. Основание и пределы наказуемости определялись свободой воли лица, обусловленной его нравственной средой (совокупностью нравственных свойств личности). Иными словами, если внешние обстоятельства складывались так, что у лица был выбор, то оно действовало виновно и поэтому должно подвергнуться наказанию сообразно проявлению своей воли в общественно опасном деянии. Если у лица под воздействием внешних обстоятельств не было возможности избежать преступного поведения, то оно признавалось невиновным, а его наказуемость исключалась.

Теория опасного состояния лица, как базовая в рамках указанного уголовно-правового направления, развивала дополнительную функцию, или вспомогательную природу наказания, до «мер социальной защиты». Основная социальная миссия наказания сводилась к борьбе с опасным состоянием личности.

Сторонники социологической школы права предлагали отказаться от принципа соразмерности наказания преступлению и развивали в основном идеи социальной превенции в виде установления наказаний с неопределенными сроками и системы мер социальной защиты, альтернативной системе наказаний. Согласно данной теории некарательные меры предполагалось применять сколь угодно долго, вплоть до полного исправления преступника. Это внедряло такую новую систему мер воздействия на деятеля (виновного в преступлении), которая в итоге должна была бы заменить само уголовное наказание [4, с. 43–55; 5; 6, с. 123].

Несостоятельность идеи возмездия доказывалась представителями **просветительно-гуманистического направления** в уголовном праве. О том, что эффективность наказания заключается не в жестокости, а в его неотвратимости, доказывал Ч. Беккариа в своей работе «О преступлениях и наказаниях» еще в 1764 г. [7]. Исследуя природу наказания, он писал: «...право верховной власти наказывать за преступления основано на необходимости защищать вверенное ей общественное

¹Здесь и далее курсив наш. – А. Ш.

благо от узурпации его частными лицами. И чем больше обеспечивается священное и нерушимое право на безопасность, чем надежнее гарантия свободы граждан со стороны государства, тем наказание справедливее. И если мы обратимся к природе человека, то обнаружим, что в ней заложены те же основные принципы, которые подтверждают неотъемлемость права верховной власти наказывать за преступления» [7, с. 69–70]. Вместе с тем автор подчеркивал, что «всякое проявление власти человека над человеком, которое не вызвано крайней необходимостью, – тирания» [7, с. 69–70].

Во многих цивилизациях бытует традиционный стереотип, что чем суровее наказание предусмотрено законом за преступление, тем больше оно повлияет на предупреждение совершения преступлений в будущем. Отечественный и зарубежный законодательный опыт ужесточения наказаний свидетельствует, что степень их суровости непосредственно не влияет на общую картину предупреждения преступлений. Сами же критерии достижимости превентивных целей каждым из предусмотренных в законе видов наказания весьма условны и имеют существенные различия.

Природа наказания никогда не рассматривалась в отрыве от его целей и оценки нарушенных лицом правил с учетом определенной шкалы принимаемых тем или иным обществом ценностей. Отношение человека к охраняемым государством ценностям или благам проявляется в масштабе свободы его выбора. Так или иначе, основанием наказуемости всегда выступала вина лица в содеянном как выражение его персональной свободы воли.

Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции, концептуальные подходы к пониманию человека как биосоциального существа, изучение его индивидуальной души обстоятельно исследуются в трудах профессора В. П. Шиенка [8, с. 40–68, 138–151; 9, с. 163–168; 10, с. 76–80].

Развитие науки, особенно психологии, показало, что существуют и внешние факторы, воздействующие на поведение человека, и что в конкретном противоправном поведении проявляется его воля – свобода выбора (несмотря на наличие генетических наследственных особенностей).

Со свободной волей человека связан ряд последствий в онтологической концепции основ ответственности, вины и наказания. Говорить о вине человека имеет смысл только тогда, когда признается его свободная воля. Наказание без вины теряет морально-ценностный смысл, перестает быть воздаянием за содеянное и умаляет саму рациональную природу его целей. Преступник перестает быть виновным в том, что совершил преступление.

Комплексному изучению принципа личной виновой ответственности в уголовном законодательстве посвящено новое научное направление,

которое разработано в докторской диссертации и научных публикациях профессора И. О. Грунтова [11; 12; 13, с. 59–66]. Ученый, в частности, предложил считать в качестве основания для назначения наказания *вину лица, совершившего преступление*, а при индивидуализации наказания в первую очередь *учитывать степень его вины* [11, с. 320–321].

Концепция свободной воли человека была и остается характерной для всего христианского учения. Первоначально вопрос о ней стал возникать в богословской форме через обращение к добру действием божеской благодати (у св. Августина) [14, с. 32–45]. Однако со времен эпохи Возрождения, когда философия освободилась от исключительно-го статуса служанки богословия, свободная воля человека не единожды ставилась под сомнение.

Новое понимание воли человека в науке о преступности (криминологии) стало активно развиваться во второй половине XIX в.

Феномен свободы воли имеет глубокую философскую основу. Профессор И. И. Горелик в отношении трактовки свободы воли, объяснения сущности вины и ответственности весьма удачно, на наш взгляд, разделил многочисленные позиции представителей философии и права на три концептуальные группы: *индетерминисты, механистические детерминисты и детерминисты* [15, с. 100–102].

Идеология *индетерминистов* заключалась в том, что человек, как существо разумное, обладает свободной волей, в которой они видели ничем не ограниченную способность индивида действовать независимо от каких бы то ни было внешних обстоятельств. Например, согласно учению И. Канта, только разумное существо имеет волю – причинность, благодаря которой оно способно совершать поступки из принципов (правила умения, советы благоразумия, закон нравственности). «Закон свободной воли, – говорил И. Кант, – состоит лишь в законодательной форме: *поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом*. Это нравственный закон, который дает нам чистый практический разум. В этом состоит автономия воли, т. е. ее способность быть самой для себя законом и вместе с тем всеобщим законом» [16, с. 249–254, 307].

Сторонники такого направления утверждали, что, совершая преступление, человек виновен, потому что действовал свободно. И коль поступки, как они считали, абсолютно свободны, потому всегда и виновны [15, с. 100].

Изначально (в ранних фазах развития общества) наказание выступало как простейший рефлекс – оплата злом за зло (беспричинное преступление). Наказуемость рассматривалась через призму богослужебного искупления, совершаемого по религиозному чувству, эмоции, убеждению. Наказание в этом контексте имело характер очищения (искупления). Позднее карающая государственная

власть, отдаляясь от религиозных канонов, стала рассматривать наказание в политическом контексте. В государствах эпохи Средневековья, особенно позднего периода, установились системы наказаний за преступные посягательства на правителя, его величество, государственное устройство и т. д.

Во всяком случае, такой подход к пониманию свободы воли и оснований наказуемости часто вел к объективному вменению, так как для наказуемости лица было достаточно самого факта совершения преступного деяния, предусмотренного уголовным законом.

Известный ученый-правовед, белорус по происхождению, автор издания «Учебник уголовного права» (1863) – одного из первых российских учебников по уголовному праву, выдающийся гуманист и просветитель XIX в. В. Д. Спасович (1829–1908) говорил, что нельзя судить «пустое деяние, из которого выпущено живое лицо преступника. <...> Старая школа юристов судила известное деяние известного человека как произведение его свободной воли, но с этою вольною волей счеты покончены; она – предрассудок и самообольщение сознания...» [14, с. 17]. Исследуя нелегкую задачу обоснования наказуемости преступлений, автор сделал логичный критический вывод: «Так как вольной воли нет, то не может быть и нравственной ответственности за действие, т. е. той вины, по которой отмеривалось и отсчитывалось наказание» [14, с. 17, 31].

Механистические детерминисты, напротив, считали, что поведение человека всецело зависит от внешних влияний (окружающая среда, воспитание и т. п.) и потому оно не является свободным. «На протяжении всей своей жизни с момента рождения до момента своей смерти, – говорил П. Гольбах, – человек ни на минуту не бывает свободным» [15, с. 100–102]. В итоге такая философия все сводила как в человеке, так и в обществе к чистейшему механизму.

Исходя из этой концепции, И. И. Горелик делал заключение: «Если деяния человека фатально предопределены, то нет его вины, и основание ответственности, по всей очевидности, отсутствует. Однако в противоречии со своими же теоретическими предпосылками механисты-детерминисты считали, что общество в целях самозащиты вправе и должно наказывать» [15, с. 100–102]. Таким образом, получалось, что человек несет ответственность не потому, что он виновен, а потому, что совершил деяние, за которое законом предусмотрено наказание.

Итальянская школа уголовной антропологии в большей мере развивала идеи именно этого направления при обосновании наказуемости преступлений. Так, основатель антропологической школы Ц. Ломброзо (1835–1909) в философию наказания XIX в. в качестве основной своей идеи выдвинул постулат о существовании особого вида в челове-

ческом роде – прирожденного человека-преступника цит. по: [14, с. 19–22].

Представитель итальянской школы антропологов-позитивистов Э. Ферри (1856–1929), совместив антропологию с социологическими исследованиями, в своем учении выдвинул три первоосновы:

1) несуществование свободной воли, а следовательно и нравственной ответственности превращают уголовное право в простую самооборону обществ от преступников;

2) преступник есть разновидность рода человеческого, существо ненормальное, на особой иных видов непохожее;

3) наказания сами по себе мало влияют на уменьшение или прирост преступности (карательная деятельность есть рефлекс, самозащита организма личного или коллективного в его борьбе за существование) [14, с. 22–26].

По мнению Э. Ферри, в эволюции уголовного наказания выделяются четыре фазы: 1) элементарная фаза (оборонительная, мстительная реакция); 2) религиозная фаза (божественное возмездие); 3) этическая фаза (средневековое искупление); 4) юридическая фаза (отвлеченное и априористическое право классической школы) [17, с. 353]. В связи с этим он обоснованно считал, что понятие «наказание» изначально означало компенсацию, а не акт воздающей справедливости [17, с. 394]. Следует заметить, что до сих пор компенсационный характер урегулирования уголовного конфликта сохраняется в мусульманском уголовном праве. В частности, широко известен выкуп преступления, например, предусматривается «цена крови» при убийстве (т. е. речь идет о компенсации потерпевшему причиненного ущерба или нанесенного вреда) [18, с. 138–139].

Аналогичные взгляды отстаивал ученик Ч. Ломброзо – итальянский криминолог Р. Гарофало (1851–1934), ставший автором теории естественно-го преступления [18, с. 27–30].

Таким образом, рассматриваемый вид детерминизма отрицает всякую нравственную ответственность и видоизменяет сущность юридической. Итальянская школа антропологов-позитивистов выявила несостоятельность и безрезультатность существовавшей системы наказаний, сводившейся к наказуемости самого деяния, а не к заботе о дальнейшей судьбе судимого и вопросам его исправления. По существу, на первый план выдвигалась превентивно-санитарная идеологическая модель наказуемости преступлений, которая предполагала самозащиту общества от нарушителей его законов.

Детерминизм базируется на концепции обусловленности поведения человека внешними факторами (объективными), но с учетом того, что оно проходит через сознание индивида. «Детерминированность человеческого поведения, – говорил И. И. Горелик, – не исключает выбора конкретных

форм удовлетворения потребностей... Уголовный закон под страхом наказания запрещает определенные формы поведения и в конечном итоге от человека зависит не прибегать к ним» [15, с. 101]. Человек волен выбирать для себя варианты поведения, в том числе и преступного. Именно от него самого зависит избегать конкретных видов преступного поведения, запрещенного уголовным законом, или нет. Не каждый оскорбленный, униженный или ревнующий прибегает к убийству своего обидчика, несмотря на желание. Иными словами, виновен тот, кто, имея возможность выбора поступков, этой возможностью не воспользовался, совершив преступление.

На позициях данной концепции в целом основывались и марксистско-ленинские взгляды о свободе воли человека. Базовыми ориентирами в трактовке свободы воли, вины и оснований наказуемости являлись постулаты философского концепта диалектического материализма. Его сторонники доказывали, что поведение человека детерминировано прежде всего социальными условиями. Однако все, что человек делает, проходит через его сознание, которое зависит от окружающей микросреды и условий жизни. Потребности человека, проходя через его сознание, предопределяют дальнейшее его поведение. Воля человека, контролируема его сознанием, свободна. В марксистско-ленинской теории укрепился тезис «свобода воли означает... не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» [15, с. 101].

Советское уголовное право в целом занимало методологическую позицию диалектического материализма с внесенными марксистско-ленинской теорией корректировками. Однако в части понимания свободы воли и обоснования наказуемости преступлений советскими учеными не отрицались постулаты классической школы уголовного права, основанной во многом под влиянием немецкой классической философии – известных идеалистов И. Канта, Г.-В.-Ф. Гегеля и др. Приведем некоторые примеры дискуссий в теории советского уголовного права.

В широко известном пятитомном труде «Курс советского уголовного права», изданном представителями ленинградской школы уголовного права во второй половине XX в., проблемам обоснования наказуемости преступлений и эффективности наказаний уделялось особое внимание. Так, например, Н. А. Беляев видел в наказании-возмездии справедливое воздаяние равным за равное возмещение обществу нарушенного морального порядка, «удовлетворение чувства справедливости» [2, с. 227–229]. Многие ученые были солидарны с ними и считали, что суть наказания заключена в компенсации зла страданием и что оно есть моральное искупление вины (Б. С. Утевский, В. Г. Смирнов) [2, с. 228].

М. Д. Шаргородский, полемизируя с указанными авторами, утверждал, что наказание ничего не возмещает ни обществу, ни потерпевшему. По своей природе оно не может ничего возмещать. И вместе с тем ученый делал однозначный вывод о том, что «наказание – это одна из детерминант, влияющих на поведение людей. Наказание способно воздействовать на них таким образом, чтобы они не совершали действий, которые государство считает опасными для охраняемых общественных отношений» [2, с. 228–229]. Далее автор формулирует далеко не новую для истории философии и уголовного права мысль: «Мы должны подходить к наказанию только с точки зрения той пользы, которую оно приносит. Наказание имеет смысл лишь постольку, поскольку оно служит цели внесения порядка в общественную жизнь, а единственное оправдание наказания – это его общественная польза» [2, с. 237].

Известный французский мыслитель XX в. П.-М. Фуко (1926–1984) и вовсе утверждал, что «наказание должно рассматриваться как *вознаграждение, которое виновный выплачивает каждому из сограждан за преступление, нанесшее ущерб всем им*» [19, с. 159]. Сам же виновный, по мнению П.-М. Фуко, – это «...лишь одна из мишеней наказания. <...> Наказание направлено главным образом на других, на всех потенциально виновных. <...> Каждый должен расценивать наказание не только как естественное, но и как соответствующее своим интересам; видеть в нем выгоду» [19, с. 159].

Так или иначе мировоззренческие подходы всех времен и цивилизаций природу наказания определяли через анализ и урегулирование конфликта интересов (индивида, общества и государства), основанного на сложной системе взаимосвязанных и взаимообусловленных ценностей, принятых обществом и подлежащих защите в соответствии с их значимостью.

В современном уголовном праве предпринимаются попытки обоснования новой модели системы наказаний, которая в своей классификации основывается на критериях его карательной сущности и спецификации правил назначения наказания. Так, Д. С. Дядькин выделяет двухмерную модель, разделяющую *все наказания одновременно на два вида* (наказания, связанные с имущественными ограничениями, и наказания, связанные преимущественно с физическими лишениями) и *две разновидности* (общие и исключительные) [6, с. 158–160]. Первую группу наказаний образуют *общие наказания, связанные с имущественными ограничениями* (штраф, исправительные работы и др.). Вторая группа представлена *исключительными наказаниями, связанными с имущественными ограничениями* (например, лишение воинского или специального звания). В третью группу входят *общие наказания, связанные преимущественно с физическими лишениями* (ограничение свободы, арест, лишение свобо-

ды). Четвертая группа состоит из исключительных наказаний, связанных преимущественно с физическими лишениями (пожизненное лишение свободы, смертная казнь) [6, с. 159–160].

Аксиологическая методология исследования ресурсами уголовного права установленных категорий и охраняемых общественных отношений в современном мире приобретает особый смысл и актуальность. Согласно аксиологической концепции основу морали и права составляют абсолютные (главные и неизменные) для личности ценности, которые есть в любой традиционной религии, общественной и индивидуально-личностной морали, системе права. Имя этим ценностям – «Свобода, Справедливость, Равенство, Гуманизм» [20, с. 3–4; 21, с. 19–20].

Социалистическое уголовное право во многом было оторвано от этих ценностей, что отражалось на дифференциации и индивидуализации мер наказания. Советские граждане подвергались массовым репрессиям и оказались под угрозой такого уголовного наказания, которое воспринималось в обществе как несправедливое, жестокое, а для многих людей, подвергшихся его воздействию, – как просто непонятное.

В уголовном и уголовно-исполнительном праве второй половины XX в., особенно после принятия во всех советских социалистических республиках в конце 1950-х – начале 1960–70-х гг. уголовных и исправительно-трудовых кодексов, главное внимание ученых было сосредоточено на изучении видов наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы.

Исследованию ценностно-целевого восприятия граждан и прежде всего самих осужденных в советский период посвящено много трудов известных ученых, а именно Ю. М. Антоняна, Л. В. Багрий-Шахматова, Н. А. Беляева, И. И. Горелика, А. Я. Гришко, В. А. Елеонского, М. А. Ефимова, И. И. Карпеца, Г. А. Кригера, Н. М. Кропачева, Л. Л. Кругликова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. А. Пионтковского, А. Л. Ременсона, Э. А. Саркисовой, Н. А. Стручкова, В. А. Уткина, Г. Ф. Хохрякова, М. Д. Шаргородского, И. В. Шмарова и др.

Тем не менее к концу XX – началу XXI в. институт уголовного наказания как инструмент государственного воздействия и регулирования поведения людей в обществе стал подвергаться серьезной критике. Во всем мире в сфере уголовной политики и криминологии стали говорить о кризисе наказания. Будущее наказания все чаще в науке уголовного права и криминологии рассматривается в двух направлениях: либо как переход от уголовного наказания к некарательному воздействию, либо как совершенствование собственно самого наказания – главного инструмента предупреждения преступлений в современных реалиях [3, с. 222–241].

Современные научные знания о сущности наказания в XXI в. также во многом сводятся к изучению его восстановительной, возмездно-карательной, исправительной, воспитательной и предупредительной функций.

Психология и социология доказывают, что человек всегда воспринимает наказание именно как возмездие. При этом некоторые авторы уточняют, что речь идет «не о возмездии в смысле мести, а об абсолютной справедливости, о требовании, чтобы наказание явилось выражением нравственной, общественной оценки преступления» [3, с. 139]. Безусловно, от того или иного мировоззренческого подхода к пониманию возмездия зависит и наше (индивидуально-личностное и общественное) отношение к преступнику.

До сих пор сохраняет свою актуальность и давний философский вопрос о праве наказания. Это право традиционно во все времена принадлежало государству. Отсюда следует публичный и карательно-возмездный характер наказания. Сейчас, как верно заметил Ю. В. Голик, это «право переросло в обязанность. Именно поэтому и прекратились поиски оснований права наказания» [22, с. 50]. Вместе с тем «правильный ответ на вопрос о праве государства наказывать позволит точнее понять роль государства в современном, быстро меняющемся мире, роль и значение уголовной юстиции и уголовной превенции, построить такую систему наказаний, которая будет приниматься всеми и, главное, будет работать» [22, с. 21]. Здесь ответа требует вопрос не столько о том, должно ли наказываться зло, сколько о том, может ли само общество наказывать, в каких пределах, за что именно (круг преступлений) и для чего это необходимо делать? Без конкретной методологии, определяющей стратегию государственной власти по наказаниям, найти такой ответ будет весьма сложно.

В философском срезе наказания серию вопросов о возрождении этнокультурных ценностей предков ставят в своих оригинальных по нравственно-правовому тематическому полю исследованиях А. И. Бойко и В. В. Кулыгин [23; 24]. Так, по мнению А. И. Бойко, «стандартные ожидания общепредупредительного эффекта от карательной деятельности государства одним расчетом только на неотвратимость не становятся нравственными» [23, с. 234]. Автор говорит, что общепреventивная цель наказания «получит моральную санкцию общества лишь в том случае, если реализация данной задачи связывается в правосознании именно с общими мерами властей, а не с примерным наказанием индивидуума, якобы сдерживающим потенциальных преступников (какое право вы имеете наказывать меня с тем, чтобы предупредить других? – К. Маркс)» [23, с. 234].

Заключение

В современном учении о наказании, в том числе о пенитенциарном праве, все больше внимания уделяется разработке аксиологической и антропологической методологий с учетом влияния конструктивистского и иных новых мировоззренческих подходов [25, с. 767–774].

Ряд направлений преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции в аспекте государственных потребностей Беларуси выдвигает в своих исследованиях белорусский ученый С. А. Калинин, доказывая, что «в успешном преодолении современного глобального кризиса следует считать мир-системный анализ, мировоззренческую исследовательскую программу, субъектный подход и пространственное измерение (геоизмерение) государства и права» [26, с. 17–23; 27, с. 5–11]. Речь идет о конструктивистском и иных мировоззренческих подходах, позволяющих по-иному системно осмыслить создаваемые государством уголовно-правовые модели охраны наиболее важных для общества ценностей.

Следует признать наличие в настоящее время определенного кризиса в доминирующем в отечественной юридической науке до сих пор одно-

стороннем материалистическом мировоззрении. Взгляд на систематику морально-нравственных ценностей, отличных от светского общества, несомненно, позволит обогатить методологические ориентиры развития отечественного уголовного права.

Таким образом, детерминистские взгляды составляют методологическую основу принципа субъективного вменения и базовых начал наказуемости в отечественном уголовном праве. Каждый волевой поступок человека связан с осознанием объективных внешних условий, в которых он находится и существует. Основания и пределы наказуемости совершенных опасных для общества поступков зависят от индивидуального проявления в них свободной воли лица. Эти философские представления в большей степени позволили обосновать превращение системы наказаний из террористической в исправительную.

Сформулируем здесь главный, но не конечный тезис: любая философия справедливого наказания базируется на основополагающих началах социальной справедливости, которые обусловлены системой ценностей, принимаемой тем или иным обществом.

Библиографические ссылки

1. Грунтов ИО, Шидловский АВ, редакторы. *Курс уголовного права. Общая часть. Том 2. Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности*. Минск: Издательский центр БГУ; 2019. 990 с.
2. Беляев НА, Шаргородский МД, редакторы. *Курс советского уголовного права. Том 2. Часть Общая*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1970. 672 с.
3. Рагимов ИМ. *Философия преступления и наказания*. Санкт-Петербург: Юрический центр; 2015. 288 с.
4. Лист Ф. *Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление*. Москва: ИНФРА-М; 2004. 110 с.
5. Пионтковский АА. *Условное осуждение: уголовно-политическое исследование*. Казань: [б. и.]; 1900. 251 с.
6. Дядькин ДС. *Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход*. Санкт-Петербург: Юрический центр Пресс; 2006. 510 с.
7. Беккариа Ч. *О преступлениях и наказаниях*. Москва: Стелс; 1995. 304 с.
8. Шиенок ВП. *Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции*. Минск: Международный университет «МИТСО»; 2017. 238 с.
9. Шиенок ВП. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*. 2012;1:163–168.
10. Шиенок ВП. Вина с позиций гуманистической методологии (в рамках научной дискуссии). *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2017;2:76–80.
11. Грунтов ИО. *Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве*. Минск: Тесей; 2012. 366 с.
12. Грунтов ИО. *Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве* [диссертация]. Минск: БГУ; 2014. 328 с.
13. Грунтов ИО. Еще раз к вопросу о понимании сущности и содержании вины в уголовном праве Республики Беларусь. *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2017;3:59–66.
14. Спасович ВД. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2015. 320 с.
15. Горелик ИИ, редактор. *Уголовное право БССР. Том 1. Часть Общая*. Минск: Вышэйшая школа; 1978. 336 с.
16. Кант И. *Сочинения. Том 4, часть 1*. Москва: Мысль; 1965. 544 с.
17. Ферри Э. *Уголовная социология*. Москва: Инфра-М; 2005. 658 с.
18. Квашиш ВЕ. *Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы*. Москва: Юрайт; 2008. 800 с.
19. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem; 1999. 480 с.
20. Мишина ИД. *Нравственные ценности в праве* [автореферат диссертации]. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия; 1999. 27 с.
21. Мицкевич АФ. *Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия*. Санкт-Петербург: Юрический центр Пресс; 2005. 329 с.
22. Голик ЮВ. *Философия уголовного права: современная постановка проблемы*. В: Голик ЮВ, редактор. *Философия уголовного права*. Санкт-Петербург: Юрический центр Пресс; 2004. с. 7–69.

23. Бойко АИ. *Нравственно-религиозные основы уголовного права*. Москва: Юрлитинформ; 2010. 248 с.
24. Кулыгин ВВ. *Этнокультура уголовного права*. Москва: Юрист; 2002. 288 с.
25. Шидловский АВ. О методологии систематизации уголовного законодательства и ее влиянии на ранжирование наказаний. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе: сборник научных трудов, посвященный доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь С. Г. Дробязко. Выпуск 13*. Минск: Колорград; 2018. с. 767–774.
26. Калинин СА. Об исходных принципах преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции. *Pravo.by*. 2017;5:17–23.
27. Калинин СА. Об основных направлениях преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции: парадигмально-субъектное измерение. *Pravo.by*. 2018;1:5–11.

References

1. Gruntov IO, Shidlovsky AV, editors. *Kurs ugodovnoy prava. Obshchaya chast'. Tom 2. Ucheniye o nakazanii i inykh merakh ugodovnoy otvetstvennosti* [The course of criminal law. Common part. Volume 2. The doctrine of punishment and other measures of criminal responsibility]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2019. 990 p. Russian.
2. Belyaev NA, Shargorodskii MD, editors. *Kurs sovetskogo ugodovnoy prava. Tom 2. Obshchaya chast'* [Course of Soviet criminal law. Volume 2. Common part]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1970. 672 p. Russian.
3. Ragimov IM. *Filosofiya prestupleniya i nakazaniya* [Philosophy of crime and punishment]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr; 2015. 288 p. Russian.
4. List F. *Zadachi ugodovnoy politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoe yavlenie* [Problems of criminal policy. Crime as a socially pathological phenomenon]. Moscow: Infra-M; 2004. 110 p. Russian.
5. Piontkovskii AA. *Usloynnoe osuzhdenie: ugodovno-politicheskoe issledovanie* [Probation: a criminal and political study]. Kazan: [s. n.]; 1900. 251 p. Russian.
6. Dyad'kin DS. *Teoreticheskie osnovy naznacheniya ugodovnoy nakazaniya: algoritmicheskii podkhod* [Theoretical foundations of criminal punishment: an algorithmic approach]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2006. 510 p. Russian.
7. Beccaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow: Stels; 1995. 304 p. Russian.
8. Shienok VP. *Ocherki humanisticheskoy metodologii natsionalnoy yurisprudentsii* [Essays on the humanistic methodology of national jurisprudence]. Minsk: International University MITSO; 2017. 238 p. Russian.
9. Shienok VP. [Man as the starting point of the new methodology of Belarusian jurisprudence]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 2012;1:163–168. Russian.
10. Shienok VP. [Guilt from the perspectives of humanistic methodology (within the Scholary dispute)]. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. 2017;2:76–80. Russian.
11. Gruntov IO. *Printsip lichnoy vinovnoy otvetstvennosti v ugodovnom zakonodatel'stve* [The principle of personal culpability in criminal law]. Minsk: Teseus; 2012. 366 p. Russian.
12. Gruntov IO. *Printsip lichnoy vinovnoy otvetstvennosti v ugodovnom zakonodatel'stve* [The principle of personal culpability in criminal law] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 328 p. Russian.
13. Gruntov IO. Once again to the question of understanding the essence and content of guilt in the criminal law of the Republic of Belarus. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. 2017;3:59–66. Russian.
14. Spasovich VD. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Minsk: Redaktsiya zhurnala «Promyshlennno-torgovoe pravo»; 2015. 320 p. Russian.
15. Gorelik AI, editor. *Ugodovnoe pravo BSSR. Tom 1. Chast' Obshchaya* [Criminal law of the BSSR. Volume 1. Common part]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 1978. 336 p. Russian.
16. Kant I. *Sochineniya. Tom 4, chast' 1* [Compositions. Volume 4, part 1]. Moscow: Mysl'; 1965. Russian.
17. Ferri E. *Ugodovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Moscow: Infra-M; 2005. 658 p. Russian.
18. Kvashis VE. *Smertnaya kazn'. Mirovye tendentsii, problemy i perspektivy* [Death penalty. Global trends, problems and prospects]. Moscow: Yurait; 2008. 800 p. Russian.
19. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Superintend and punish. The birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem; 1999. 480 p. Russian.
20. Mishina ID. *Nravstvennye tsennosti v prave* [Moral values in law] [dissertation abstract]. Ekaterinburg: Yral'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya; 1999. 27 p.
21. Mitskevich AF. *Ugodovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deystviya* [Criminal punishment: concept, goals and mechanisms of action]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2005. 329 p. Russian.
22. Golik YuV. [Philosophy of criminal law: modern formulation of the problem]. In: Golik YuV, editor. *Filosofiya ugodovnoy prava* [Philosophy of criminal law]. Saint Petersburg; 2004. p. 7–69. Russian.
23. Boiko AI. *Nravstvenno-religioznye osnovy ugodovnoy prava* [Moral and religious foundations of criminal law]. Moscow: Yurлитинформ; 2010. 248 p. Russian.
24. Kulygin VV. *Etnokultura ugodovnoy prava* [Ethnoculture of criminal law]. Moscow: Yurist; 2002. 288 p. Russian.
25. Shidlovsky AV. [On the methodology of systematization of criminal legislation and its impact on the ranking of punishments]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi doktoru yuridicheskikh nauk professory zasluzhennomy yuristu Respubliki Belarus' S. G. Droblyazko. Vypusk 13* [Law in modern Belarusian society: a collection of scientific papers dedicated to doctor of law, professor, honored lawyer of the Republic of Belarus S. G. Droblyazko. Issue 13]. Minsk: Kolorgrad; 2018. p. 767–774. Russian.
26. Kalinin SA. [On the initial principles of overcoming the conceptual and methodological crisis in jurisprudence]. *Pravo.by*. 2017;5:17–23. Russian.
27. Kalinin SA. [On the main directions of overcoming the conceptual and methodological crisis in jurisprudence: paradigm-subject dimension]. *Pravo.by*. 2018;1:5–11. Russian.